

БУДЬТЕ КАК ДЕТИ

ТЕОФАНИЯ
ДЕТСТВА

священник

ВЛАДИМИР
ЗЕЛИНСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Ольга Шульчева-Джарман <i>На пороге озарения безбрежным: откровение детства</i>	7
Евангелие для народа-ребенка <i>Почему так важны для нас слова Христа о детях</i>	14
Речь Божия в творении человека <i>Почему новорожденный — это одно из откровений Божьих</i>	47
Церковь возраста Христова <i>О том, что значит «быть ребенком» в религиозной жизни</i>	73
Слово, играющее на свирели, или Радость как родина <i>Почему детская радость — изначальное и естественное состояние человека</i>	103
Царство прячется в ребенке, раскрывается в праведниках <i>Почему «взрослый» не может стать святым ...</i>	126

Прирожденные верующие

Как преодолеть раздвоенность взрослого 150

Детство и грехопадение

Почему взросление связано

с Адамовым грехом 184

Младенчество как гениальность

Что общего у искусства и раннего детства 212

Цивилизация ребенка

Общество, в сердце которого —

дитя во Христе..... 255

Послесловие к итальянскому изданию

Павел Зелинский

Между гармонией и неуловимостью 289

ПРЕДИСЛОВИЕ

На пороге озарения безбрежным:

откровение детства

Ольга Шульчева-Джарман,

врач-педиатр и поэт

Эта книга отца Владимира — неожиданна и вместе с тем долгожданна. Так сложилось в истории, что письменное слово Европы было издавна словом мужчин. В том числе и слово о ребенке — вспомним врачей Гиппократ и Сорана Эфесского, а также «Мелантия-врача, любившего детей», — от которого ничего и не осталось, кроме трогательных надгробных стихов... Но как может мужчина, которому не дано вынашивать чадо под сердцем и кормить его грудью, воистину проникнуть в тайну дитяти? Взгляд мужской, лишенный этого опыта сопричастности вынашиваемому ребенку, неизбежно скользит по поверхности... Тайна ребенка, особенно ребенка столь малого, что он еще буквально «бессловесен», оставалась в какой-то степени «тайной жен», и, как всякое «женственное», невербализованным и невысказанным. Мужская культура, отстраняясь от этого бессловесия, вырабатывала свои жесткие нормы, позволяя ребенку говорить только тогда, когда он

обретет слово и станет «маленьким взрослым», забывая все глубже и глубже свою тайну той поры, когда не разумом, а «изумлением выговаривались слова». Нет изумления, нет небывалого, нет ничего преславного — «парадокса», если вспомнить, как звучит это слово на греческом Септуагинты и евангелистов. Есть Закон — и есть те, кто его знает. А вне — дети, простецы, больные, немые, глухие, — и женщины, — да, и они, матери младенцев, знающие скорбь и радость «рождения человека в мир». Сурово слово мужей, и не знающий Закона — не знает Бога.

О чем же говорит этот странный Сын Марии? Не лубочный, не учащий «ласковому доброжелательству взрослого к детенышам», а Настоящий, «Иже в вертепе родивыйся и в яслех возлегий нашего ради спасения Христос, Истинный Бог наш»¹.

О чем говорит Он с горы и на «месте равне»? О Царстве и детстве? Уж не о конце Закона ли? О том Царстве, что «подобно забытому детству», из которого мы вышли и в которое еще не вошли.

Парадокс и преславность дел Христовых и в том, что Он обратил сердца мужей великих к *малым сим*, и человек, принявший залог сей в священстве Христовом, прозревает и видит тайну Христа в дитяти и детстве — неподзаконном, хоть

¹ Отпуст на Рождественской Литургии.

Предисловие

и ограниченном множестве невозможностей. Дитяти, которого почитают бессмысленным, — но се, оно мудро, ибо ему, младенцу, открыта тайна по благоволению Отчему.

Отец Владимир с трепетным вниманием относится ко всякому слову, несущему ответ тайны детства, — будь то Платон или Агада. У Ефрема Сирина и Оливье Клемана находит он слова о чадах Духа Святого — не святых, но простых младенцах, умерших на руках своих матерей, безмерно любивших их — по образу духа Христа Воскресшего, безмерно любящего создание Свое, малое и беззащитное.

Отсюда — и слова отца Владимира о «народе-ребенке», о Церкви-тайне, сияющей в малых сих, и о Царстве, являемом в Церкви: «Оно спешит к нам во Христе, живущем сегодня и грядущем завтра, но ошеломляющее соседство с Ним уже сейчас проступает яснее всего в том, что всегда, изначально, бытийно Христово».

Неожиданность и долгожданность этой книги не только в том, что, открыв ее, читатель не найдет умильных вздохов — порой он обретет совершенно противоположное этому: резкое слово об «осознанной наивности». Не потому умиляется он, как некий римский патриций, *pater familias* (отец семейства), привыкший чтить Юпитера и императора, что маленькая его внучка тоненьким голоском поет ему христианские

гимны. Это мило, да, но это все пройдет, и внучка перед браком пойдет в храм Приапа, а гимны останутся в прошлом, но пока — пока пусть поет, неразумное дитя, тешит главу семейства своей невинностью и незнанием жизни... И если имя отца семейства — Тертуллиан или Августин, это мало что меняет — как привычно во взрослом мире ждать чуда «вопреки жесткой доктрине».

Нет, по убеждению отца Владимира, ребенок — не вопреки, а для того, чтобы явились дела Божии. Ребенок — это письмо Христово в будущее, и если он, покинув детство, не забудет его священных знаков, он станет святым, — он станет исполнением замысла Христа Творящего. Приимите залог сей, отец и мать, приимите сей залог — залог надежды и святости и явления в мире Великого Христа, Превечного Младенца и Превечного Сына. Он, Сын Мариин и Сын Божий, Младенец-Логос, по Максиму, великому богослову и великому исповеднику, примиряет не только небо и землю, не только рай и вселенную, но и самое жестокое противоречие нашего мира — мужское и женское естество в их противостоянии и непонимании.

Неожиданно — и долгожданно — в этой книге то, что она (и я ловлю себя на том, что говорю о книге отца Владимира, как о живом существе) — написана и не как сухой трактат «на тему», и вовсе не «вареньем и умилением». Это — книга-песня,

как песня маленькой внучки патриция, как песни тех детей, о которых говорит внимательный и чуткий к малым сим Лука-врач и евангелист, передавая слова Христовы.

Господь даровал мужам понять и высказать на языке мужской культуры бессловесную тайну дитяти и матери. Он дал силу мужам обратиться и быть как дети, и не стыдиться детства, а — пристально вглядываться в него и через малость маленького человека открывать взрослому тайну Божию. Как Своим маленьким друзьям, с которыми играл Он в Египте и Назарете. И в этом — великий вздох облегчения — быть Его чадом.

«Вернуться — значит „умалиться“, но и — „принять дитя“. Что стоит за глаголом *принять*? Иисус говорил не на нашем многозначном европейском языке и не на каком-то символическом, эзотерическом и сверхсакральном. В Его речи была библейская плотность, телесность, конкретность, ибо *Слово плоть бысть* в том числе и в клетках, мускулах и дыхании арамейских слов. Не следует ли „принять дитя“ как святую плоть, едва вышедшую из Его рук, как Божию „доброту“ творения?» — вопрошает отец Владимир.

И поэтому детство есть иносказание матери и тайна ее, и иносказание Церкви, и Ее тайна.

И об этом слово отца Владимира, но и о многом другом.

Будьте как дети

...Надгробные надписи на могилах христиан ранней Церкви гласили: «Здесь покоится чадо Христово, Флавила. Лет же ей было восемьдесят пять». Она тоже была девочкой, эта римская старушка, и глаза ее «светились дружбой». Такой она и пришла к Иисусу почти две тысячи лет назад...

Да! Отпускай на свободу измученных,
Отрок, чье имя прекраснее всех.
В горы взойди неприступными кручами,
в старости Сарре дарующий смех.

Крылья голубки распахнуты в стороны —
лето Господне, и колос, и песнь!
Да! Сквозь пустыню, дорогой неторною —
слышатся зовы, и голос, и весть.

Дождь — на руно, и завет Его — радугой,
петь Его, слышать и видеть весь день!
Да! Он ведет, Он берет тебя за руку —
пальцы влагая в следы от гвоздей.

Сам Он — чудесней видений и знамений,
в старости Сарре дарующий смех,
явленный Боже и Боже являемый,
Отрок, чье Имя прекраснее всех.

Предисловие

Исток этой работы — несколько слов Иисуса о детях. Они просты и всем известны, но обладают такой мощью, плотностью и неисчерпаемостью смысла, что остаются для нас загадкой. Не притязая на то, чтобы разгадать ее до конца, автор предлагает здесь ряд коротких размышлений, надеясь, что они смогут послужить «тусклым стеклом»² для тайны, которая светит в словах о «малых сих»³.

² См. 1 Кор. 13: 12.

³ См. Мф. 10: 42, 18: 6, 18: 10, 18: 14; Мк. 9: 42; Лк. 17: 2.